

Крымские чекисты в начале 1920-х гг.

Массовое уничтожение в конце 1920 — первой половине 1921 г. оставшихся в Крыму офицеров и солдат армии Врангеля, а также беженцев является одной из самых мрачных страниц красного террора. До сих пор обнародована лишь небольшая часть документов об этой трагедии, из-за чего мало надежной информации, как о численности жертв, так и об их палачах. Однако ряд новых источников позволяет прибавить новые черты к коллективному портрету активных участников террора, поскольку значительная их часть оказалась под судом уже к лету-осени 1921 г. Архивные материалы расширяют сведения о карательных акциях чекистов в Крыму и «сопутствующих» этому одному общему преступлению множеству других — должностных, корыстных, садистских и проч.

После захвата Крыма уже 21 ноября 1920 г. чекистами была создана так называемая Крымская ударная группа при Особом отделе ВЧК Юго-Западного фронта, объединившая целый ряд видных особистов во главе с заместителем начальника этого отдела Е. Г. Евдокимовым. Перед ними стояла данная Ф. Э. Дзержинским задача массовой чистки, в связи с чем особисты должны были выявить всех причастных к Белому движению и тут же с ними расправиться. При этом чекисты настоящих следственных дел зачастую не заводили, а ограничивались арестами и отбиранием анкетных данных. По анкетам и «судили» тройками, в результате чего на десятки и сотни расстрелянных оказывалось одно-единственное дело. Значительную часть арестованных, среди которых нередко оказывались женщины и подростки, сразу расстреливали, остальных отправляли в концлагеря и высылали [\[1\]](#).

Считается, что всего Ефим Евдокимов со своей «экспедицией» из сотен особистов уничтожил не менее 12 тыс. человек. Эта цифра зафиксирована в представлении Евдокимова к ордену Красного Знамени, где отмечалось, что под его руководством «...были расстреляны до 12 тыс. человек из коих до 30 губернаторов, больше 150 генералов, больше 300 полковников, несколько сот контр-разведчиков шпионов...» [\[2\]](#) Помимо работников особых и транспортных отделов, в истреблении крымчан активно участвовали и чекисты территориальных органов — полпредства ВЧК в Крыму, КрымЧК, городских и уездных ЧК. Существующий документ об итогах карательной работы КрымЧК не вызывает доверия своей скромной цифрой, итожащей работу чекистов за 1921 г. — менее 500 расстрелянных. [\[3\]](#) Между тем недолговременный глава КрымЧК (весной 1921 г.) М. М. Вихман так двадцать лет спустя писал о своих личных заслугах: «При взятии Крыма был назначен лично тов. ДЗЕРЖИНСКИМ... председателем Чрезвычайной Комиссии Крыма, где по указанию боевого органа Партии ВЧК уничтожил энное количество тысяч белогвардейцев — остатки врангелевского офицерства» [\[4\]](#).

Однако небывалые масштабы террора вызвали не только вооруженное сопротивление части населения, но возмущение и многих местных коммунистов, активно жаловавшихся центральным властям. В связи с этим в июне 1921 г. на полуострове начала работу

Полномочная комиссия ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма. При ней резко сократились масштабы террора и началась вынужденная чистка уже в рядах самих «чистильщиков». Член комиссии и коллегии Наркомнаца РСФСР М. Х. Султан-Галиев сообщал о невероятной жестокости расстрелов, захвативших и лояльных советской власти лиц: «По отзывам самих крымских работников, число расстрелянных врангелевских офицеров достигает по всему Крыму от 20.000 до 25.000. Указывают, что в одном лишь Симферополе расстреляно до 12.000. Народная молва превозносит эту цифру для всего Крыма до 70.000. Действительно ли это так, проверить мне не удалось»^[5]. Таким образом, учитывая вышеприведенные данные по деятельности Евдокимова и Вихмана, а также бессудное уничтожение не менее трех тысяч крымчан красными партизанами^[6], которые вполне стыкуются с информацией Султан-Галиева, можно уверенно говорить о 20–25 тыс. жертв «зачистки» полуострова. В связи с этим сохраняет значение достаточно давняя точка зрения В. П. Петрова, что «общее число погибших превышает 20 тысяч человек, хотя эта цифра не является окончательной»^[7].

Документы говорят, что все чрезвычайные и репрессивно-карательные органы Крыма совершали массовые преступления. Председатель Единого ревтрибунала Крыма Н. М. Беркутов, отчитываясь о работе за сентябрь и октябрь 1921 г., отмечал, что когда в Крым в июне 1921 г. прибыла Полномочная комиссия ВЦИК и СНК РСФСР, она обнаружила «ряд весьма злостных преступлений» преимущественно со стороны комиссии по изъятию излишков, комиссии по ущемлению буржуазии, органов ЧК, особых отделов, политбюро, уголовной и общей милиции, причем замешанными в преступлениях оказалось «громоздкое количество Советских работников» и в списке расстрелянных значились такие видные фигуры, как начальник Особого отдела 4-й армии Михельсон, председатель Старо-Крымской ЧК и ряд других. В связи с криминализацией руководящего состава Крыма деятельности Полномочной комиссии оказывалось «постоянное пассивное противодействие со стороны советско-партийных организаций»^[8].

В резкой записке видный военный работник А. П. Розенгольц 1 августа 1921 г. сообщал Дзержинскому, что в органах Крымской ЧК процветают пьянство, грабежи и прочая уголовщина, они разложены и требуют массовой чистки^[9]. Подтверждением этих выводов было вынужденное, после приезда Полномочной комиссии ВЦИК и СНК, рассмотрение КрымЧК 29 июля 1921 г. дела по обвинению председателя Керченской ЧК И. И. Каминского, заведующего секретным отделом этой ЧК С. И. Шульгина, начальника разведки М. А. Михайлова и секретаря ЧК А. Я. Полякова «в незаконных преступных действиях, выразившихся в применении высшей меры наказания к лицам, в том числе, и к несовершеннолетнему, в отношении которых обвинительный материал не говорил о необходимости принятия таковых, в избииении арестованных и др.». Материалы следственного дела говорят о широчайшем применении расстрелов к тем, от чьего имени выступала «рабоче-крестьянская» власть: «...Из числа расстрелянных 51–52% рабочих тяжелого труда и из числа содержащихся под стражей в комиссии рабочих 77%». Чекисты были признаны виновными, но коллегия КрымЧК ограничилась, «принимая во внимание партстаж, их пролетарское происхождение и заслуги, оказанные революции», лишением обвиняемых права работы в ЧК, а Михайлову отмерила год принудительных работ^[10].

Через несколько месяцев перед трибуналом предстал еще один заметный чекист из этой компании: в конце 1921 г. Единый ревтрибунал Крыма рассмотрел дело заместителя начальника секретно-оперативного отдела Керченской ЧК Суворова. За попытку получения взятки, ложное направление, взятое при расследовании дела о взяточничестве, в котором он сам участвовал, а также скрытие взяточничества со стороны работников угрозыска Суворов был осужден к расстрелу, но «за боевые заслуги» высшую меру ему заменили заключением на 5 лет [\[11\]](#).

В 1921 г. значительная часть видных работников КрымЧК и особых отделов была осуждена, причем в Керченской, Джанкойской и Севастопольской ЧК были привлечены к уголовной ответственности их коллеги. Высшую меру наказания получил председатель Старо-Крымской ЧК, а несколько сотрудников Феодосийской ЧК оказались казнены за то, что под видом обысков грабили семьи бывших офицеров и зажиточных крестьян [\[12\]](#). Выездная сессия Единого ревтрибунала Крыма 1 декабря 1921 г. осудила начальника информационной части Евпаторийской ЧК Георгия Максимовича Митина, 24-летнего бывшего коммуниста, и помощника уполномоченного информчасти Ивана Михайловича Ермохина, 32 лет, обвинявшихся в хищении муки. Митина осудили на 5 лет заключения, Ермохина — на 2 года, но приговор им тут же был сокращен на одну треть по амнистии [\[13\]](#). Бахчисарайское политбюро КрымЧК «представляло собой шайку бандитов, терроризирующих в течении нескольких месяцев местное население. Под видом конфискации имущества оно совершило целый ряд грабежей. Грабя вещи, его члены арестовывали возражавших, истязали их на допросах...» [\[14\]](#) После вмешательства полномочной комиссии ВЦИК и СНК они были преданы суду революционного трибунала. Но смертные приговоры проштрафившимся чекистам выносились хотя и часто, но заканчивались казнью в меньшинстве случаев. Чаще всего признанных виновными сотрудников ЧК приговаривали к тюремному заключению либо изгоняли из органов.

Легко отделались и основные работники карательных органов. В литературе с легкой руки писателя-эмигранта Романа Гуля не раз упоминалось о том, что М. М. Вихмана расстреляли свои же за излишний садизм. Однако это не так — основной его виной оказались ведомственный сепаратизм и неподчинение обкому партии, наказанием за что стали двухмесячный арест и увольнение из «органов», куда он снова будет возвращен с наступлением эпохи «великого перелома» (репрессируют и доведут до паралича и полной инвалидности Вихмана в 1938 г., а в 1940 г. — освободят из киевской тюрьмы под подписку о невыезде) [\[15\]](#). Начальник Особого отдела 4-й армии Михельсон, вопреки вышеприведенной официальной информации, не был расстрелян, а после помилования оказался зачислен в систему лагерей и проявлял привычный садизм, находясь на ответственной должности в Соловецком концлагере [\[16\]](#). Первый председатель Крымской ЧК, а затем глава Керченской ЧК Иосиф Каминский, уволенный из ВЧК за массовые расстрелы, в 1923 г. возглавил Смоленский губотдел ГПУ. Характерно, что уже после окончания работы Полномочной комиссии, в начале ноября 1921 г., председатель КрымЧК А. И. Ротенберг, председатель Крымсовета народных судей Скрипчук и глава Биюк-Онларского исполкома в открытом заседании рассмотрели дело о большой группе крестьян, обвинявшихся в налете на совхоз, и приговорили к расстрелу 20 чел. Приговор

был исполнен немедленно [\[17\]](#). И хотя об этой расправе над «классово близкими» было хорошо известно, Ротенберг проработал на своей должности до сентября 1922 г. [\[18\]](#)

До приезда комиссии из Москвы сами чекисты публиковали сведения о суровом осуждении коллег за второстепенные преступления, но террор и мародерство им в вину не ставились. Газета «Красный Крым» 1 марта 1921 г. поместила отчет о заседании КрымЧК, на котором был осужден начальник бюро пропусков Особого отдела 4-й армии Шланак, развернувший вместе с неким Гетманским широкую торговлю пропусками. У Шланака были свои маклеры, подбиравшие клиентуру среди спекулянтов и бандитов; пропуска продавались по 20 тыс. рублей. Шланак, Гетманский и четверо их помощников были приговорены к расстрелу, причем КрымЧК лицемерно отметила, что «преступление чекиста — самое тяжелое преступление» [\[19\]](#).

Позднее официальные источники по итогам открытых процессов над чекистами давали более откровенную информацию. Председатель Севастопольского ревкома и горисполкома С. Н. Крылов в книге, вышедшей осенью 1921 г., по свежим следам писал: «Контрреволюционеры представляли угрозу советской власти, но чрезвычайная власть натворила много ошибок и даже злоупотреблений. Особенно бесчинствовал особый отдел 46 дивизии: однажды арестовали свыше тысячи рабочих». Реввоен трибунал осудил 21 сотрудника этого особого отдела: 2 июля 1921 г. к расстрелу были приговорены бывший начальник агентурной части Полянский, начальник информации Зайковский, уполномоченный агентуры Шариков, казначей отдела Самарский; остальные, более мелкие сошки, получили принудительные работы с лишением свободы от одного до трех лет [\[20\]](#).

Архивы сохранили дополнительные подробности об этом, вероятно, самом громком публичном деле на чекистов, терроризировавших весь Севастополь и ни в грош не ставивших местных ревкомовских начальников. О серьезно напугавших дискредитированную власть итогах многодневного открытого процесса член рев трибунала Харьковского военного округа В. Киселев 8 июля 1921 г. сокрушенно докладывал, что ему не хочется и говорить, «как удручающе подействовал приговор даже на ответственных работников РКП. Я лишь только хочу сказать, что в течение семнадцати дней театр был полон кр[асноармей]цев рабочих и учащейся молодежи» [\[21\]](#). Трибуналец назвал среди подсудимых начальника особого отдела дивизии Кудряшева, начальника агентурной части Полянского, сотрудника для поручений Шарикова-Шора и казначея Самарского. По сообщению В. Киселева, все эти лица были расстреляны, но их начальник Кудряшев, чья вина была больше, оказался помилован — расстрел ему заменили на пять лет, поскольку преступления чекистом были совершены «в момент перегруженности работы, ввиду ликвидации белогвардейщины», не носили злого корыстного характера, а сам обвиняемый раскаялся. Между тем обвинялся Кудряшов в тяжких преступлениях: превышении власти, расхищении имущества со склада, освобождении «контрреволюционеров», кутежах и вооруженном сопротивлении при аресте. В Балаклаве Кудряшев, как член тройки, просмотрев анкеты, единолично незаконно расстрелял 18 чел., заручившись согласием по телефону председателя тройки Чистякова

(третьего члена тройки вообще не было, однако Кудряшев расстреливал от ее имени). Конфискованные в Балаклаве ценности Кудряшев сдал в Ударную группу особых отделов, но «записей этих вещей нигде не оказалось»; изъятые им у населения 426 тыс. руб. тоже были отнесены на расходы Ударной группы. Также он «неправильно расстрелял своего сотрудника Марочкина, постановление о расстреле которого было подписано лишь двумя членами тройки». Кудряшев освободил «контрреволюционера» Музыкуса, который затем снабжал его алкоголем и женщинами. А дочь пристава Соколова он принудил к сожительству, и та «спасла отца своим позором».

Чекист-свидетель Мартынов показал, что еще до крымской эпопеи он привез Кудряшеву золотой перстень и сапоги человека, расстрелянного в с. Воздвиженка (вероятно, нынешнее Воздвиженское Апанасенковского района Ставропольского края), и Кудряшев признал, что в этих сапогах ходил. По словам свидетеля, чекист отбирал себе лучшие вещи из конфиската «в неограниченном количестве», не побрезговал похитить 18 шевровых шкур, а продукты просто забирал на базаре, угрожая продавцам арестом за «спекуляцию». Получив сведения о преступлениях своего заместителя, Кудряшев отдал ему уличающее заявление. А «узнав, что ревком Севастополя его действиями не доволен, приказывает своему заместителю принять меры к разгону Севастопольского правительства»^[22]. Вскоре Кудряшев был повышен и получил должность начальника активной части Особого отдела 4-й армии, возглавлявшегося Михельсоном. Руководя основной агентурной работой этого подразделения, он потребовал выдать для конспиративных целей серьги княгини Юсуповой с крупными бриллиантами и золотой портсигар. Серьги он подарил любовнице Серлиной-Велькомиркиной, у которой они затем и были отобраны, а портсигар, «предполагая преподнести начальнику Особотарма 4», передал ювелиру для нанесения дарственной надписи.

Работая начальником активной части, Кудряшев узнал, что новый начальник особого отдела 46-й дивизии Мозалев арестовал бывшего руководителя регистрационного бюро отдела Онегина за «освобождение контрреволюционеров» и планирует аресты за крупные преступления других ответственных чекистов, включая начальника информации отдела Зайковского (был осужден к расстрелу, но в связи с «истинным раскаянием» отделался пятью годами). Кудряшев запретил Мозалеву аресты и с разрешения Михельсона получил возможность сфабриковать дело на своего преемника, пользуясь аппаратом Особого отдела Черноозморей, после чего в Севастополе принял участие в незаконном заочном суде над Мозалевым, находившимся на свободе, и, настаивая на срочном аресте, приговорил его к расстрелу. Пятикратно допрошенный, Кудряшев всякий раз давал ложные показания, смысл которых позднее объяснил своим страхом «быть расстрелянным без суда и следствия». В последний день июля 1921 г. один из работников Полномочной комиссии ВЦИК и СНК, отвечая на предложение Киселева расстрелять Кудряшева как особо опасного преступника, написал, что считает такую инициативу «судебным бредом» ввиду «давности совершенного преступления и в корень изменившейся военной обстановки»^[23].

Есть достоверные сведения о том, что собой представляли и органы революционной юстиции[24]. Сотрудник Полномочной комиссии ВЦИК и СНК С. М. Бирюков в своем докладе от 22 августа 1921 г. отмечал, что ревтрибунал Крымской области в течение всех девяти месяцев со дня образования фактически бездействовал, тогда как «чрезвычайные органы на территории Крыма творили ужасы, считая себя безнаказанными, что и продолжается до последних дней, несмотря на объявление амнистии., продолжают незаконные аресты и высылки лиц, не считаясь с их классовой принадлежностью и при отсутствии всякого обвинительного материала, что в высшей степени терроризирует мирных жителей..." [25] Председатель Крымского областного ревтрибунала М. И. Порецкий до 28 мая 1921 г. не имел ни аппарата, ни членов коллегии, в связи с чем лично был вынужден вести делопроизводство и «записывать бумаги». Вместе с Порецким работало всего четыре следователя, из которых не было ни одного пригодного. А считавшийся членом коллегии председатель Крымской ЧК приходил только на судебные заседания. Лишь в начале июля 1921 г. крымские трибуналы были слиты в Единый трибунал, получивший полномочия вести и дела на проштрафившихся чекистов. Его комендантом (исполнителем смертных приговоров) в конце 1921 г. являлся Ф. М. Марчук[26]. С апреля 1921 г. через трибуналы вместо контрреволюционных пошли почти исключительно «дела уголовно-должностные», среди которых было и дело заместителя председателя реввоен трибунала восточного побережья Крыма Удалова, а также почти всех ответственных сотрудников этого органа, осужденных 19 мая 1921 г. областным РВТ на сроки от одного до пяти лет заключения[27].

В силу неработоспособности и необъективности местного трибунала делами чекистов-преступников активно занимался РВТ Харьковского военного округа. Например, 17 июля 1921 г. он рассмотрел дело девяти сотрудников низового подразделения системы Особых отделов, превращенного в пыточный застенок: начальника особого пропускного бюро г. Старый Крым (26-летнего ювелира, происходившего из крестьян Курской губернии) Константина Михайловича Утенко, а также военного следователя бюро Н. Н. Мелких-Абрамова, сотрудника бюро И. Г. Захарченко-Забияка, красноармейца бюро П. Е. Тимченко и еще пятерых сотрудников этого учреждения. Данное пропускное бюро было организовано особым отделом 3-й стрелковой дивизии для регистрации и задержания военнослужащих Белой армии. Самый длинный шлейф обвинений был у его начальника: Утенко обвинялся в грабежах, систематических истязаниях, изнасилованиях ряда женщин, покушении на убийство с целью сокрытия следов преступления и пьянстве. Мелких-Абрамов и Захарченко-Забияк обвинялись в истязаниях и изнасилованиях, а оставшиеся — в избиениях арестованных. Утенко, Мелких-Абрамов и Тимченко были приговорены к расстрелу, но об исполнении приговора сведений нет, поскольку пять дней спустя приказом Полномочной комиссии ВЦИК и СНК все расстрельные приговоры были заморожены. Данная комиссия 22 июля 1921 г. предложила всем трибуналам и чрезвычайным органам не приводить в исполнение смертные приговоры без ведома и согласия комиссии, одновременно затребовав на рассмотрение копии приговоров к расстрелу. Также она постановила собрать материалы о применении высшей меры наказания и препроводить их в Центр[28].

Таким образом, в архивах РФ должны находиться важные источники по проведению карательных операций в Крыму. Обнаружение и изучение их позволит заполнить трагическую страницу Гражданской войны. Пока же можно сказать, что доступные архивные судебные материалы, ставшие следствием работы Полномочной комиссии ВЦИК и СНК РСФСР, дают не только новую информацию о красном терроре, но позволяют с большим доверием отнестись к многочисленным мемуарным источникам о крайней жестокости и криминализированности как чекистских, так и прочих властей советизированного Крыма. Судебное преследование наиболее скомпрометированных чекистов оказалось достаточно широким, в т. ч. на руководящем уровне, но в целом не отличалось жёсткостью и принципиальностью, в силу чего многие из наказанных видных работников ВЧК смогли впоследствии вернуться в карательно-репрессивную систему.

[1] См.: *Тополянский В.* Вожди в законе. Очерки физиологии власти. — М.: Права человека, 1996; *Абраменко Л. М.* Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. — К.: МАУП, 2005.

[2] *Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьев В.* ЧК-ГПУ-НКВД в Україні: особи, факти, документи. — Київ: Абрис, 1997. С. 85.

[3] Из годового отчета КрымЧК за 1921 г. // Реабилитированные историей. Автономная республика Крым: Книга первая. — Симферополь: ИПЦ «Магистр», 2004. С. 57.

[4] Отраслевой государственный архив СБУ (Киев). Ф. 5. Д. № 51645 на А. И. Майского. Т. 1. Л. 225.

[5] *Павлюченков С. А.* Военный коммунизм в России: власть и массы. — М.: РКТ-История. С. 223, 224.

[6] *Скоркин К. В.* На страже завоеваний Революции. История НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР. 1917–1923. — М., 2011. С. 909.

[7] *Петров В. П.* К вопросу о красном терроре в Крыму в 1920—1921 годах // Проблемы истории Крыма. — Симферополь, 1991. Вып. 2. С. 91.

[8] ГА РФ. Ф. Р-1005. Оп. 3. Д. 68. Л. 167 об.

[9] Ф. Э. Дзержинский — председатель ВЧК-ОГПУ /сост. А. М. Плеханов, А. А. Плеханов. — М.: МФД, 2007. С. 684.

[10] *Плеханов А. М.* ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. — М.: Кучково поле, 2006. С. 138; *Ишин А.* Крым в 1921 году: трагедия военного коммунизма // Крымские известия. № 238. 2007. 26 дек.

[11] ГА РФ. Ф. Р-1005. Оп. 3. Д. 68. Л. 197.

[12] *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Без победителей: Из истории Гражданской войны в Крыму. — Симферополь: Антиква, 2008. С. 335; *Ишин А. В.* В Крыму после Врангеля (По архивным материалам Крымской ЧК за 1921 год) // Революция и гражданская война 1917–1920 гг.: новое осмысление: Тезисы докладов международной науч. конф. Ялта 10–18 ноября 1995 г. – Симферополь, 1995. С. 48.

[13] ГА РФ. Ф. Р-1005. Оп. 3. Д. 68. Л. 186.

[14] *Пащенко В. Н.* Крымская милиция в XX веке (1900–1991 гг.). — Симферополь, 2009. С. 63.

[15] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 73. Л. 140; ОГА СБУ. Ф. 5. Д. 51645. Т. 1. Л. 225–228; *Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьев В.* ЧК-ГПУ-НКВД в Україні С. 375–376.

[16] *Мальсагов С. А.* Адские острова: Советская тюрьма на Дальнем Севере. — Нальчик: Издат. центр «Эльфа», 1996. С. 40; *Седерхольм Б.* В разбойном стане. — Рига: Типография «STAR», 1934. С. 243–244.

[17] ГА РФ. Ф. Р-1005. Оп. 3. Д. 68. Л. 190.

[18] *Скоркин К. В.* На страже завоеваний Революции. Местные органы НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР. 1917–1923: Справочник. — М.: ВивидАрт, 2010. С. 484, 397.

[19] Цит. по: *Плеханов А. М.* ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности... С. 234.

[20] *Крылов С.* Красный Севастополь. — Севастополь, 1921. С. 18–19.

[21] ГА РФ. Ф. Р-1247. Оп. 1. Д. 28. Л. 22.

[22] ГА РФ. Ф. Р-1247. Оп. 1. Д. 28. Л. 20 об., 21.

[23] Там же. Л. 21–22.

[24] Существующая работа об организации трибуналов в Крыму раскрывает только институциональные аспекты, не касаясь их реальной деятельности. См.: Пуховская А. С. Создание революционных трибуналов в Крыму в начале 1920-х гг. // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Юридические науки». Т. 24 (63). № 2. 2011. С. 381–390.

[25] ГА РФ. Ф. Р-1247. Оп. 1. Д. 27. Л. 32–33.

[26] ГА РФ. Ф. Р-1247. Оп. 1. Д. 27. Л. 75; Ф. Р-1005. Оп. 3. Д. 68. Л. 208.

[27] ГА РФ. Ф. Р-1247. Оп. 1. Д. 27. Л. 93.

[28] Там же. Л. 63, 66, 40.

Вопросы истории. 2015. № 11. С. 139–145.